

НАДЕЖДА ПОТОПИНА

ЦЕНА ЛЮБВИ

ПЕРВАЯ СТАВКА
ЧАСТЬ 1

Когда
любовь
кажется
достаточной...

...правда
может
быть совсем
другой.

Иногда
первая ставка
разрушает
больше,
чем кажется.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
СЕМЕЙНЫЙ ТРИЛЛЕР

О ДОВЕРИИ, КОТОРОЕ РАЗРУШАЕТСЯ НЕЗАМЕТНО.

Надежда Порошина

ЦЕНА ЛЮБВИ. Часть

1. Первая ставка

<https://litres.ru/74413227>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лина уверена, что вышла замуж за надёжного и любящего мужчину. Андрей заботится о маленьком Павле, строит планы и обещает семье лучшее будущее. Но за ночной работой и разговорами о повышении скрывается первая ставка. Потом — проигрыш, кредит и новая ложь, которую почти невозможно отличить от правды.

Пока Андрей пытается отыгаться, Лина объясняет его раздражение усталостью и продолжает верить словам. Она ещё не знает, что игровая зависимость началась задолго до их встречи, а близкие годами скрывали её последствия.

Первая часть психологического семейного триллера — о доверии, которое разрушается незаметно, и о моменте, когда любовь впервые начинает пахнуть страхом.

Содержание

От автора	4
Пролог. Купи мне вина	9
Глава 1. Дом, который они построили	22
Глава 2. Человек, который умел любить	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Надежда Порошина

ЦЕНА ЛЮБВИ. Часть

1. Первая ставка

От автора

Эта книга написана на основе реальных событий.

Имена героев, отдельные обстоятельства, последовательность некоторых эпизодов и художественные детали изменены. Сделано это для сохранения частной жизни людей, чьи судьбы легли в основу произведения, а также для целостности повествования. Любое совпадение имён с реальными людьми случайно.

Однако чувства, о которых рассказывается в книге, реальные.

Реальны ночи, когда близкий человек перестаёт узнавать того, кого любил. Реальны долги, ложь, обещания измениться и надежда, заставляющая снова прощать. Реален детский страх перед взрослым, который ещё вчера казался самым надёжным человеком в мире. Реальна и растерянность женщины, пытающейся понять, где заканчивается болезнь любимого и начинается его личная ответственность.

Игровая зависимость редко входит в дом громко. Понача-

лу она может выглядеть как безобидное увлечение, способ снять напряжение или возможность быстро заработать. Затем появляются тайные ставки, вторые телефоны, кредиты, исчезающие деньги и объяснения, которые каждый раз звучат почти убедительно.

Зависимость постепенно меняет не только человека, который играет. Она подчиняет себе всю семью. Один скрывает и обещает. Другой проверяет, спасает, возвращает долги и пытается предотвратить очередной срыв. Дети учатся молчать, угадывать настроение взрослых и быть «хорошими», чтобы дома сохранялся покой.

Но семья не должна жить по правилам болезни одного человека.

Эта книга не о том, что зависимого нужно ненавидеть или навсегда лишить права на прощение. Болезнь требует профессиональной помощи, лечения и поддержки. Однако помощь не означает бесконечно отдавать деньги, скрывать последствия, верить каждому новому обещанию и принимать страх за любовь.

Нельзя вылечить другого человека вместо него.

Нельзя заставить его говорить правду, если ложь всё ещё кажется ему удобнее.

Нельзя спасти семью, если ради её сохранения один человек должен постоянно жертвовать собой, а ребёнок — жить в ожидании следующего крика.

Главная героиня долго считает, что любовь обязывает её

оставаться рядом. Она объясняет поступки мужа усталостью, сложностями на работе, страхом и болезнью. Ей кажется: если стать терпеливее, мягче и внимательнее, он обязательно остановится.

Но зависимость не прекращается благодаря чужому терпению.

Иногда самым честным проявлением любви становится не очередное спасение, а граница. Отказ дать деньги. Требование обратиться к специалисту. Решение защитить ребёнка. Закрытая дверь, за которой человек впервые остаётся наедине с последствиями собственного выбора.

Эта история напоминает: любовь и доверие — не одно и то же. Можно продолжать любить человека и больше не верить его словам. Можно желать ему выздоровления, но не возвращаться в разрушенные отношения. Можно простить и при этом не позволить снова причинять себе вред.

Прощение не отменяет последствий.

Болезнь не уничтожает ответственность.

А сохранение семьи не всегда означает сохранение брака.

Особенно важно помнить о детях. Они замечают гораздо больше, чем кажется взрослым. Слышат разговоры за закрытыми дверями, чувствуют тревогу матери, запоминают обещания отца и нередко начинают винить себя в происходящем. Ребёнок может решить, что его любовь недостаточно сильна, а поведение недостаточно хорошее, раз взрослые продолжают ссориться.

Поэтому ребёнку необходимо снова и снова говорить:
«Ты не виноват».

«Тебе не нужно спасать взрослых».

«Ты имеешь право бояться, сердиться и плакать».

«Тебя не перестанут любить из-за ошибки».

Если эта книга поможет хотя бы одному человеку узнать
в происходящем собственную жизнь, перестать оправдывать
опасное поведение и обратиться за помощью, значит, она на-
писана не зря.

Если она поможет родителю увидеть страх ребёнка за его
послушанием — не зря.

Если напомним зависимому человеку, что признание бо-
лезни является не концом, а первым шагом к ответственности,
— тоже не зря.

Перед вами не история об идеальных людях. Здесь каж-
дый ошибается. Кто-то лжёт, кто-то слишком долго молчит,
кто-то спасает так настойчиво, что невольно помогает зави-
симости расти.

Но ошибку можно признать.

Ложь можно перестать поддерживать.

Цепь страха можно разорвать.

И дверь в новую жизнь иногда открывается лишь после
того, как человек решается закрыть другую.

Надежда Порошина

HL

Пролог. Купи мне вина

Павел никак не мог уснуть.

Он лежал, натянув одеяло до подбородка, и смотрел на полоску света под дверью. Обычно Лина оставляла в коридоре включённый ночник, чтобы сын мог позвать её, если ему приснится плохой сон. Сегодня свет казался слишком ярким.

За дверью снова слышались шаги.

Медленные. Неровные.

От кухни до детской. Потом обратно.

Лина сидела на краю кровати и гладила сына по волосам.

— Закрывай глазки, — прошептала она. — Уже поздно.

Павел послушно зажмурился, но через несколько секунд снова посмотрел на мать.

— Папа сердится?

— Нет. Папа просто устал.

Ложь прозвучала привычно и почти убедительно.

Лина сама много лет произносила такие слова: «Всё хорошо», «Ничего не случилось», «Папа устал». Ей казалось, что так она защищает ребёнка. Но Павел продолжал вслушиваться в шаги и всё крепче сжимал край одеяла.

Дверь открылась.

Андрей стоял в проёме. Куртку он снял, но ботинки так и не разул. Волосы растрепались, лицо покраснело от холода

или выпитого — Лина не могла определить. От него пахло табаком, улицей и чем-то резким.

— Ты чего здесь сидишь? — спросил он.

— Укладываю Пашу.

Андрей посмотрел на сына так, словно только сейчас его заметил.

— Он ещё не спит?

— Уже почти уснул.

— Мам, я не сплю, — тихо возразил Павел.

Лина поправила одеяло.

— Сейчас уснёшь.

Андрей постоял в дверях, затем сказал:

— Сходи за вином.

Лина сначала решила, что ослышалась.

— Что?

— Вина купи.

Она посмотрела на часы. Двенадцать минут первого.

— Андрей, сейчас ночь.

— Магазин ещё открыт.

— Мне нужно уложить ребёнка.

— Уложишь потом.

Павел перевёл взгляд с отца на мать.

Лина поднялась и вышла в коридор, прикрыв за собой дверь.

— Ты видишь, что он не спит?

— Вижу.

— Тогда говори тише.

Андрей провёл ладонью по лицу.

— Я нормально говорю.

— Хорошо. Давай утром всё обсудим.

Она попыталась вернуться в детскую, но он преградил ей дорогу.

— Купи мне вина.

— Нет.

— Почему?

— Потому что поздно. Потому что я не оставлю Пашу одного. Потому что тебе не нужно больше пить.

Андрей несколько секунд смотрел на неё. В его глазах появилось странное недоумение, будто Лина ответила на совершенно другой вопрос.

— Я попросил купить вина.

— Я слышала.

— Тогда сходи.

— Андрей, я сказала нет.

Он отвернулся и прошёл на кухню.

Лина подождала, пока его шаги стихнут, и вернулась к сыну.

— Мам, папа пьяный?

Она замерла.

Четырёхлетний ребёнок не должен был знать это слово. Но Павел уже слышал его. Возможно, от самого Андрея. Возможно, во время одного из разговоров взрослых, которые,

как им казалось, проходили за закрытыми дверями.

— Папа плохо себя чувствует.

— Он заболел?

— Наверное.

— А мы тоже заболеем?

Лина наклонилась и поцеловала его в лоб.

— Нет. Ты в безопасности.

Она произнесла это уверенно, но сама прислушалась к звукам из кухни.

Звякнула дверца шкафа. Что-то упало на пол. Потом наступила тишина.

Лина почти поверила, что Андрей успокоился.

Дверь снова открылась.

— Ты идёшь? — спросил он.

— Куда?

— За вином.

Лина медленно поднялась.

— Я уже ответила.

— Ты только сказала, что укладываешь ребёнка. Он лежит. Что ещё ему нужно?

Павел повернулся к стене и накрыл голову одеялом.

Лина вышла в коридор и закрыла дверь плотнее.

— Ему нужна мама. И тишина.

— А мне нужно вино.

— Я никуда не пойду.

— Почему ты не можешь сделать одну простую вещь?

— Потому что сейчас половина первого. Потому что на улице ночь. Потому что я не оставлю ребёнка с тобой в таком состоянии.

Лицо Андрея изменилось.

— В каком состоянии?

— Ты выпил.

— И что?

— Ты сам себя не слышишь.

— Я всё прекрасно слышу. Это ты устраиваешь скандал на пустом месте.

Он говорил всё громче. Лина приложила палец к губам.

— Тише.

— Не указывай мне.

— Ты пугаешь сына.

— Я его не пугаю.

Из детской донёсся приглушённый всхлип.

Лина потянулась к дверной ручке, но Андрей схватил её за запястье.

— Я с тобой разговариваю.

Его пальцы сомкнулись крепко. Не удар. Не толчок. Всего лишь рука на её руке.

Но Лина испугалась.

Не боли.

Того, что в его взгляде не было узнавания. Он смотрел на неё не как на жену, с которой прожил несколько лет. Не как на мать своего ребёнка. Перед ним находилось препятствие,

мешавшее получить желаемое.

— Отпусти, — сказала она.

— Сначала сходи в магазин.

— Мне больно.

Он будто не услышал.

— Купи вина.

— Андрей, отпусти меня.

— Сходишь — отпущу.

Лина резко выдернула руку. На коже остались бледные следы его пальцев.

Дверь детской приоткрылась.

Павел стоял босиком, прижимая к груди синюю машинку.

Ту самую, которую Андрей когда-то подарил ему без всякого повода.

— Папа, не трогай маму.

Андрей повернулся к сыну.

На несколько секунд его лицо смягчилось.

— Я маму не трогаю.

— Ты её держал.

— Иди спать.

Павел не двинулся.

— Ты плохой?

Андрей усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

— Твоя мама сейчас специально делает из меня плохого.

— Не говори ему этого, — произнесла Лина.

— А что я сказал?

— Не втягивай ребёнка.

— Я его не втягиваю. Это ты устраиваешь представление.
Павел прижал машинку крепче.

— Мам, я буду тихо. Только не уходи.
Лина опустила перед ним на колени.

— Я никуда не уйду.

За её спиной Андрей снова произнёс:

— Купи вина.

Она обернулась.

— Нет.

— Купи.

— Ты слышал мой ответ.

— Значит, разбуди его, одень и возьми с собой.

Лина несколько секунд молча смотрела на мужа.

Перед ней стоял человек, который когда-то часами носил заболевшего сына на руках. Мужчина, который просыпался от каждого детского вздоха. Который проверял, не холодно ли Павлу, и поправлял сползшее одеяло.

Сейчас он предлагал поднять ребёнка среди ночи и отправиться с ним в магазин.

— Ты понимаешь, что говоришь?

— Я прошу купить одну бутылку.

— Ты уже пил.

— Тебе-то что?

Эти слова прозвучали так просто, что Лина не сразу осознала их смысл.

— Мне что?

— Да. Тебе какая разница?

Она посмотрела на Павла. Он стоял между ними и переводил испуганный взгляд с одного взрослого на другого.

— Паша, иди в комнату.

— А ты?

— Я сейчас приду.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Мальчик медленно попятился, не поворачиваясь к отцу спиной.

Андрей снова начал ходить по коридору.

— Купи вина, Лина.

Она молчала.

— Ты слышишь меня?

Молчала.

— Лина.

Он дошёл до кухни, развернулся и вернулся.

— Купи вина.

Его голос становился всё более монотонным. Будто он не разговаривал с ней, а повторял команду, которая обязана была сработать.

— Зачем тебе ещё?

— Хочу.

— Это не ответ.

— А я не обязан перед тобой отчитываться.

— Ты пугаешь ребёнка.

— Не прикрывайся им.

— Я не прикрываюсь. Он плачет из-за тебя.

— Потому что ты его настроила.

Лина почувствовала, как внутри поднимается знакомое желание объяснить. Найти правильные слова. Доказать, что она не враг. Напомнить, каким Андрей бывает трезвым. Сказать, что утром ему будет стыдно.

Но все слова уже были сказаны.

Он их не слышал.

Андрей снова потянулся к её руке. Лина отступила.

— Не трогай меня.

— Я тебя не трогаю.

— Ты только что хватал меня.

— Не выдумывай.

— У меня следы остались.

— Какие следы? Я тебя не бил.

Именно тогда она поняла: утром он скажет то же самое.

Возможно, убедит себя, что ничего не произошло. Что он всего лишь попросил вина, а жена устроила скандал. Расскажет матери, что Лина провоцировала его. Коллегам — что дома ему не дают покоя. Самому себе — что он всё контролирует.

А она снова будет пытаться доказать правду человеку, который уже выбрал другую версию.

Из детской послышался тихий голос:

— Мам...

Лина шагнула внутрь, взяла Павла на руки и закрыла дверь.

Повернула ключ.

Раньше она никогда не запиралась от мужа.

Павел обхватил её шею.

— Он войдёт?

— Нет.

— Он сердится на меня?

— Нет, солнышко.

— Я плохо себя вёл?

— Ты ничего плохого не сделал.

За дверью раздались шаги.

Андрей остановился совсем близко.

— Лина, открой.

Она не ответила.

— Ты что делаешь?

Лина достала телефон. Нашла номер матери.

Палец замер над кнопкой вызова.

Что она скажет?

«Мама, мне страшно»?

«Приезжай»?

«Андрей требует вина и не даёт уложить ребёнка»?

Со стороны всё это звучало почти нелепо. Он не ударил её. Не разбил мебель. Не угрожал убить.

Он просто ходил следом и повторял одну фразу.

Просто не воспринимал её отказа.

Просто хватал за руку.

Просто стоял сейчас за запертой дверью комнаты, в которой она пряталась вместе с ребёнком.

— Лина, открой.

Она нажала кнопку вызова.

Один гудок.

Второй.

За дверью наступила тишина.

— Мам, — прошептал Павел, — папа ушёл?

Лина прислушалась.

Ни шагов. Ни голоса. Ни дыхания.

Третий гудок.

Мать не отвечала.

Лина осторожно посадила сына на кровать.

— Оставайся здесь.

— Не ходи.

— Я только посмотрю.

— Мам, не надо.

Она подошла к двери и приложила к ней ладонь.

Тишина.

Возможно, Андрей действительно ушёл на кухню. Возможно, лёг на диван. Возможно, наконец уснул.

Телефон продолжал подавать длинные гудки.

Лина наклонилась к замочной скважине, но с другой стороны было темно.

— Андрей? — тихо позвала она.

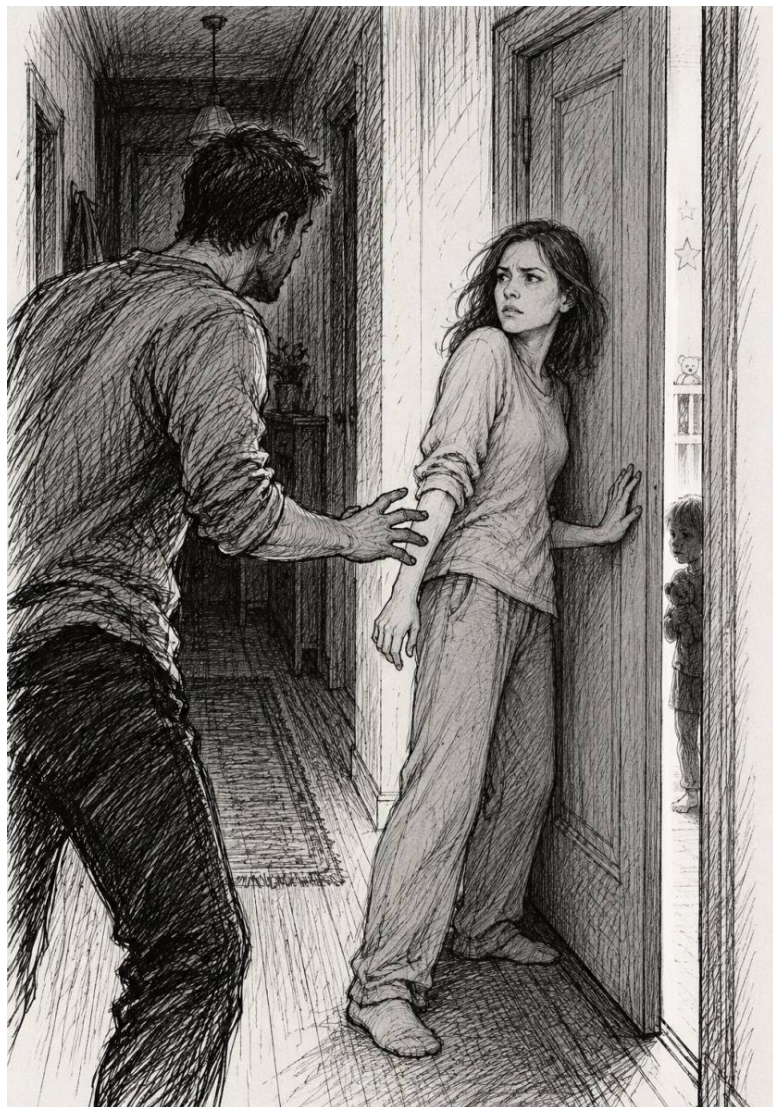
Ответа не последовало.

Она уже хотела отойти, когда дверная ручка медленно опустилась.

Павел вскрикнул.

А с другой стороны Андрей совершенно спокойно произнёс:

— Купи мне вина.

Глава 1. Дом, который они построили

За три года до той ночи Андрей будил сына поцелуями.

Он входил в детскую на цыпочках, хотя прекрасно знал: Павел проснётся от малейшего шороха. Садился на край кровати, наклонялся и касался губами сначала одной щеки, потом другой.

— Подъём, командир.

Павел морщил нос, прятался под одеялом и притворялся спящим.

— Никого нет, — говорил Андрей. — Придётся съесть все сырники самому.

Из-под одеяла показывалась растрёпанная голова.

— Нельзя все.

— Почему?

— Маме не останется.

— Мама себе ещё приготовит.

— Тогда мне не останется.

Андрей подхватывал сына на руки, и Павел начинал смеяться так громко, что Лина слышала его на кухне.

Она стояла у плиты, переворачивала сырники и улыбалась.

Именно о таком доме она когда-то мечтала.

Не о большой квартире и дорогой мебели. Не о красивой кухне из журнала. Ей хотелось просыпаться без страха. Слышать по утрам смех ребёнка. Знать, что никто не уйдёт, хлопнув дверью, и не накажет молчанием за неправильно сказанное слово.

Их квартира была небольшой. В прихожей едва помещались детская коляска и велосипед. На кухне за столом могли удобно сесть только трое. Из крана иногда капала вода, а окно зимой приходилось заклеивать.

Но это был их дом.

Лина поставила сырники на стол как раз в тот момент, когда Андрей внёс Павла на кухню.

— Доставка ребёнка завершена, — объявил он.

— Я не ребёнок, — возмутился Павел.

— А кто?

Мальчик задумался.

— Павел.

— Весомый аргумент, — согласился Андрей и посадил его на стул.

Лина поставила перед сыном тарелку.

— Осторожно, горячо.

— Я подую.

Павел вытянул губы и начал старательно дуть на сырник. Андрей незаметно протянул руку к тарелке.

— Папа!

— Что?

— Это моё.

— Я только проверял температуру.

— Рукой?

— У меня особенная рука. Она всё определяет.

Павел прижал тарелку к себе.

— Свою проверяй.

Лина рассмеялась.

Андрей посмотрел на неё и улыбнулся. Так же, как в первые месяцы их знакомства: открыто, немного удивлённо, будто каждый раз заново радовался, что она находится рядом.

— Что? — спросила Лина.

— Ничего.

— Ты так смотришь.

— Как?

— Будто хочешь что-то сказать.

Он протянул руку и убрал прядь с её лица.

— Просто ты красивая.

— Я в старой футболке и с мукой на щеке.

— Поэтому и красивая.

Лина смутилась. Даже после нескольких лет брака Андрей умел сказать что-нибудь такое, от чего она на мгновение снова чувствовала себя девушкой, впервые поверившей, что её могут любить не за старания.

Телефон Андрея коротко завибрировал на столе.

Он машинально перевернул его экраном вверх.

На дисплее появилось уведомление. Андрей прочитал, едва заметно нахмурился и сразу убрал телефон в карман.

— Что-то случилось? — спросила Лина.

— Нет. По работе.

— Сегодня же суббота.

— У нас работа дни недели не различает.

Он сказал это легко, и Лина не стала расспрашивать.

Павел ткнул вилкой в сырник.

— Пап, мы пойдём за машинкой?

Андрей замер.

— За какой машинкой?

— Ты обещал.

— Когда?

— Вчера.

Павел повернулся к матери, ища подтверждения.

— Папа сказал, если я соберу игрушки, мы пойдём выбирать машинку.

Лина посмотрела на мужа.

— Говорил?

Андрей потёр подбородок.

— Возможно.

— Не возможно, — строго сказал Павел. — Точно.

— Значит, пойдём.

— Сейчас?

— После завтрака.

Ребёнок победно улыбнулся и принялся за еду.

Лина налила Андрею кофе.

— Тебе не обязательно покупать ему игрушку за каждое выполненное обещание.

— Это я обещал.

— Я не об этом. Он должен понимать, что убирать свои вещи нормально, а не только за награду.

— Ему три года.

— Именно поэтому привычки и формируются сейчас.

Андрей обнял её за талию и притянул к себе.

— У нас растёт очень серьёзная мама.

— У нас мама просто не хочет, чтобы ребёнок решил, будто за каждый хороший поступок ему обязаны платить.

— Хорошо, — согласился он. — Больше никаких подарков за уборку.

Павел поднял голову.

— А машинка?

Андрей заговорщически подмигнул ему:

— Эта не считается. Она была обещана до введения новых правил.

— Андрей.

— Что? Закон обратной силы не имеет.

Павел не понял, но рассмеялся вместе с отцом.

Лина покачала головой.

Спорить было невозможно. Рядом с Андреем самые серьёзные разговоры часто становились легче. Возможно, именно за это она его и полюбила.

После завтрака они втроём отправились в магазин.

Был один из первых тёплых дней. Снег почти растаял, вода бежала вдоль бордюров, а Павел старательно перепрыгивал через каждую лужу.

Андрей держал его за руку. Лина шла рядом и смотрела на них.

— Ты счастлива? — неожиданно спросил Андрей.

— Сейчас?

— Вообще.

Она удивилась.

— Почему ты спрашиваешь?

— Просто.

Лина посмотрела на сына, который пытался освободить руку, чтобы исследовать очередную лужу.

— Да.

— Точно?

— Точно.

Андрей улыбнулся, но не сразу. На несколько мгновений его лицо стало серьёзным.

— Иногда мне кажется, что я должен сделать для вас больше.

— Зачем?

— Чтобы у вас всё было.

— У нас всё есть.

— Нет. Я не об этом.

Он кивнул на старую пятиэтажку за их спинами.

— Я не хочу, чтобы мы всю жизнь прожили в такой квартире. Хочу дом. Нормальную машину. Чтобы Паше не приходилось носить чужие вещи или ждать праздника ради хорошего подарка.

— Он не носит чужие вещи.

— Пока.

— Андрей, ему три года. Ему важнее, чтобы ты ходил с ним по лужам.

Павел как раз наступил ногой в воду. Брызги попали Андрею на брюки.

— Вот видишь, — сказал тот. — Исключительно важное занятие.

Лина улыбнулась.

— Я серьёзно. Не придумывай нам потребности, которых у нас нет.

— А если они появятся?

— Тогда решим.

— Ты всегда говоришь так, будто всё просто.

— А ты всегда пытаешься решить проблемы, которых ещё не существует.

Он ничего не ответил.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз Андрей отошёл на несколько шагов и только потом посмотрел на экран.

Лина заметила это, но почти сразу отвлеклась: Павел потянул её к витрине игрушечного магазина.

— Мам, смотри!

За стеклом стоял большой игрушечный подъёмный кран.

— Мне такой нужен.

— Мы пришли за маленькой машинкой.

— Тогда две.

— Почему две?

— Одна маленькая. А вторая большая.

— Удобная логика.

Андрей догнал их и открыл дверь магазина.

Павел сразу побежал к стеллажам. Он брал одну машину, ставил её обратно, замечал другую и забывал о предыдущей.

— Выбирай внимательно, — сказал Андрей. — Только одну.

— Ты же говорил, что закон обратной силы не имеет, — напомнила Лина.

— Не используй мои слова против меня.

Павел остановился возле синей гоночной машинки с серебристыми дверцами.

— Эту.

Андрей посмотрел на ценник.

Лина заметила, как напряглось его лицо.

— Можно выбрать другую, — сказала она.

— Почему?

— Она дорогая.

— Нормальная цена.

— Андрей.

— Я обещал ему машинку.

— Не обязательно именно эту.

Павел прижал коробку к груди. Андрей достал банковскую карту.

— Берём.

— Мы могли сначала обсудить.

— Что обсуждать? Это игрушка, а не квартира.

В его голосе впервые прозвучало раздражение.

Совсем слабое. Почти незаметное.

Лина посмотрела на него внимательнее.

— Я просто сказала, что она дорогая.

Андрей выдохнул и сразу смягчился.

— Прости. Я знаю.

Он наклонился к Павлу.

— Нравится?

Мальчик кивнул.

— Тогда берём.

На кассе оплата не прошла.

Андрей снова приложил карту.

Терминал подал короткий сигнал.

— Недостаточно средств, — сказала кассир.

Павел поднял голову.

Лина достала свою карту.

— Давай я.

— Не нужно.

Андрей открыл банковское приложение. Быстро провёл

пальцем по экрану, что-то нажал и снова поднёс карту к терминалу.

На этот раз покупка прошла.

— Готово, — сказал он и передал сыну коробку.

На улице Павел потребовал сразу открыть машинку. Андрей снял упаковку, опустил на корточки и показал, как открываются серебристые дверцы.

Лина наблюдала за ними.

— Что случилось с картой? — спросила она.

— Ничего. Деньги были на другом счёте.

— Ты перевёл?

— Да.

Он не смотрел на неё.

— У нас всё нормально?

Андрей поднялся.

— Конечно.

— Просто в последнее время ты несколько раз говорил о деньгах.

— Лина, всё хорошо.

Он обнял её за плечи и поцеловал в висок.

— Не переживай. Я со всем разберусь.

Его голос снова стал прежним — тёплым, спокойным, уверенным. Тем самым голосом, которому она доверяла.

Павел запустил машинку по асфальту и побежал следом.

— Папа, смотри, как быстро!

Андрей отпустил Лину и пошёл к сыну.

— Только к дороге не подходи!

Она осталась возле магазина и смотрела на двух самых близких людей.

Ей стало стыдно за свои вопросы.

Возможно, Андрей действительно просто устал. Возможно, на работе происходило что-то сложное. Он старался ради семьи, а она вместо поддержки начинала подозревать неизвестно что.

Лина догнала их и взяла мужа под руку.

— Прости.

— За что?

— Я иногда слишком сильно обо всём переживаю.

— Знаю.

Он сказал это с улыбкой.

— Но тебе не о чем беспокоиться. Я рядом.

Она прижалась к его плечу.

Вечером Павел уснул, положив новую машинку рядом с подушкой.

Лина задержалась в детской. Поправила одеяло, убрала волосы со лба сына. Машинка блестела в свете ночника. Одна серебристая дверца осталась открытой.

Андрей появился в дверях.

— Уснул?

— Наконец-то.

Он подошёл, осторожно прикрыл дверцу машинки и посмотрел на сына.

— Ради него хочется сделать всё.

— Ему не нужно всё.

— Сейчас не нужно. А потом?

Лина поднялась.

— Потом он сам нам расскажет.

— Я хочу, чтобы он мной гордился.

— Он уже тобой гордится.

Андрей усмехнулся.

— Потому что ему три года.

— Нет. Потому что ты его папа.

Они вышли из детской.

На кухне Лина приготовила чай. Андрей открыл ноутбук.

— Ты работать собираешься?

— Минут на двадцать.

— Сегодня суббота.

— Нужно кое-что проверить.

— Что именно?

Он посмотрел на неё поверх экрана.

— Ты сегодня решила устроить мне допрос?

Сказал шутливо, но Лина почувствовала знакомый укол.

— Нет. Просто хотела посидеть вместе.

Андрей сразу закрыл ноутбук.

— Хорошо.

— Не нужно, если у тебя срочная работа.

— Нет ничего важнее тебя.

Он пересел ближе, взял её руку и начал рассказывать, ка-

ким мог бы быть их будущий дом.

Большие окна.

Светлая кухня.

Комната для Павла.

Второй этаж.

Небольшой сад.

Лина слушала и постепенно забывала утреннюю тревогу.

Андрей всегда умел говорить о будущем так, будто оно уже существует. Оставалось только протянуть руку и войти.

Позднее они легли спать.

Ночью Лина проснулась от тихого щелчка.

Рядом было пусто.

Она посмотрела на часы: 02:17.

Из кухни пробивался свет.

Лина встала, накинула халат и пошла по коридору.

Андрей сидел перед ноутбуком. На экране двигались яркие цифры. Несколько значений менялись так быстро, что она не успела прочесть.

— Ты всё-таки работаешь?

Он вздрогнул и резко закрыл крышку.

— Лина? Ты меня напугала.

— Уже третий час.

— Я знаю.

— Что ты проверяешь?

— Рабочие расчёты.

Телефон, лежавший рядом, завибрировал.

На экране появилось сообщение:

«Ну что? Решился? Сегодня хороший коэффициент».

Лина успела увидеть только первые слова. Андрей сразу перевернул телефон.

— Кто это?

— Коллега.

— В три часа ночи?

— У нас разные графики.

Он улыбнулся и протянул к ней руку.

— Иди спать. Я сейчас приду.

— Ты обещал двадцать минут.

— Увлёкся.

— Работой?

На мгновение Андрей замолчал.

Потом посмотрел ей прямо в глаза.

— Конечно.

Он произнёс это спокойно. Без запинки. Так убедительно, что Лина почувствовала себя неловко из-за собственного вопроса.

Она наклонилась, поцеловала его и вернулась в спальню.

Через несколько минут свет в кухне погас.

Андрей лёг рядом, обнял её и почти сразу уснул.

Утром Лина решила, что ей действительно показалось.

Она ещё не знала, что этой ночью муж солгал ей впервые.

Или впервые она это заметила.

Глава 2. Человек, который умел любить

Когда Лина впервые встретила Андрея, он опоздал на двадцать минут.

Она стояла на остановке под навесом, прижимала к груди папку с документами и наблюдала, как дождь превращает дорогу в мутный поток. Автобус не приезжал, ветер забрасывал воду под крышу, а дешёвый зонт сломался при первом же порыве.

День с самого начала складывался неудачно.

Утром Лина не услышала будильник. Потом забыла дома пропуск и возвращалась за ним. На работе начальница сообщила, что подготовленный ею отчёт нужно полностью переделать. Теперь она опаздывала на собеседование, от которого зависела возможность перейти на более высокую должность.

Телефон показывал пять процентов заряда.

Лина набрала номер такси и услышала:

— Ожидание машины — не менее сорока минут.

Она отключилась.

— Здесь всегда так.

Лина обернулась.

Рядом стоял незнакомый мужчина. Тёмные волосы намокли, вода стекала по воротнику куртки. В руках он держал

папку с чертежами, которую пытался прикрыть от дождя.

— Что «так»? — спросила она.

— Автобусы. Если солнце — ходят каждые пять минут.

Если дождь и ты опаздываешь — исчезают.

Лина невольно улыбнулась.

— Значит, это я виновата.

— Не исключено.

Он посмотрел на сломанный зонт.

— У вас серьёзные потери.

— Он продержался почти месяц.

— Достойная жизнь.

Лина снова взглянула на часы.

Мужчина заметил.

— Сильно опаздываете?

— На собеседование.

— Куда?

Она назвала адрес.

— Это недалеко.

— Пешком минут сорок.

— На машине — семь.

— Если она есть.

Незнакомец достал телефон.

— Сейчас будет.

— Что будет?

— Машина.

— Не нужно.

— Почему?

Лина насторожилась.

— Я не сяду в машину с незнакомым человеком.

— Правильно.

Он кивнул так серьёзно, что она растерялась.

— Поэтому я вызову вам такси. Вы поедете одна, а я продолжу ждать автобус и размышлять о своих жизненных решениях.

— Я сама могу вызвать.

— Вы уже вызвали. Судя по вашему лицу, без особого успеха.

Лина посмотрела на погасший экран телефона.

— У меня почти разрядился телефон.

— Тем более.

Через несколько минут к остановке подъехала машина. Незнакомец открыл заднюю дверь и передал водителю адрес.

— Деньги я верну, — сказала Лина.

— Если получите работу — можете считать это вложением в экономику страны.

— А если не получу?

— Тогда мне придётся жить с последствиями неудачной инвестиции.

Она села, но прежде чем закрыть дверь, спросила:

— Как вас зовут?

— Андрей.

— Лина.

— Удачи, Лина.

Она получила ту должность.

Следующие несколько дней Лина вспоминала незнакомца с остановки. Не потому, что поступок был необычным. Андрей не спас ей жизнь и не совершил ничего героического. Он просто заметил, что другому человеку нужна помощь, и помог, не требуя ничего взамен.

Через неделю они встретились снова.

Лина выходила из кафе во время обеденного перерыва и увидела его за столиком у окна. Перед Андреем лежала та же папка с чертежами. Он что-то рисовал на салфетке и так сосредоточился, что не заметил её.

Она могла пройти мимо.

Вместо этого открыла дверь и подошла к столику.

— Ваша инвестиция окупилась.

Андрей поднял голову.

Несколько секунд смотрел на неё, пытаясь вспомнить, потом улыбнулся.

— Собеседование?

— Меня приняли.

— Я знал.

— Вы ничего обо мне не знали.

— Я видел человека, который готов был идти пешком сорок минут под дождём. Таких обычно принимают.

Лина положила на стол деньги за такси.

— Я обещала вернуть.

Андрей посмотрел на купюры.

— Тогда придётся пригласить вас на кофе, иначе вся красота истории пропадёт.

— Это вы сейчас пытаетесь вернуть мне мои же деньги в виде кофе?

— Я пытаюсь найти причину, чтобы вы не уходили.

Он сказал это открыто, без игры и притворства.

По крайней мере, тогда Лина именно так подумала.

Они разговаривали до конца её перерыва. Андрей оказался инженером. Он проектировал здания и любил рассказывать о них так, будто дома были живыми.

— Люди думают, что главное — стены, — говорил он, водя карандашом по салфетке. — Но стены ничего не значат, если человеку не хочется возвращаться.

— А что тогда главное?

— Те, кто ждёт внутри.

Лина запомнила эту фразу.

Через несколько месяцев она впервые рассказала ему о своём детстве. О доме, где все старались говорить тише. О матери, которая часто плакала на кухне. О привычке угадывать настроение взрослых по звуку шагов.

Она ожидала обычных слов:

«Забудь».

«Это давно прошло».

«У всех было непростое детство».

Но Андрей не перебивал.

Он держал её за руку и слушал.

— Иногда мне кажется, что я до сих пор там, — призналась Лина. — Стою у окна и жду, когда начнётся другая жизнь.

— Она уже началась.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что теперь ты можешь выбирать, кого впускать в свой дом.

Она посмотрела на него.

— А если я ошибусь?

— Тогда исправишь.

— Всё так просто?

— Нет. Но тебе не обязательно всё делать одной.

В тот вечер Лина впервые позволила себе заплакать рядом с другим человеком. Андрей не пытался остановить её слёзы. Не говорил, что нужно успокоиться. Просто сидел рядом.

Именно в такие моменты она училась ему доверять.

Когда Лина заболела, он приехал с лекарствами и продуктами. Когда она боялась сообщить начальству об ошибке, Андрей ждал возле её работы. Когда умерла бабушка, он отменил важную встречу и поехал с ней на похороны.

Он замечал то, о чём она не просила.

Приносил чай.

Заряжал её телефон.

Закрывал окно, если становилось холодно.

Писал: «Ты поела?»»

Однажды ночью Лина проснулась от тревожного сна и увидела, что Андрей сидит рядом.

— Что случилось? — спросил он.

— Ничего.

— Ты плакала.

— Мне показалось.

— Лина.

Он включил ночник.

— Со мной тебе не нужно говорить «ничего».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.